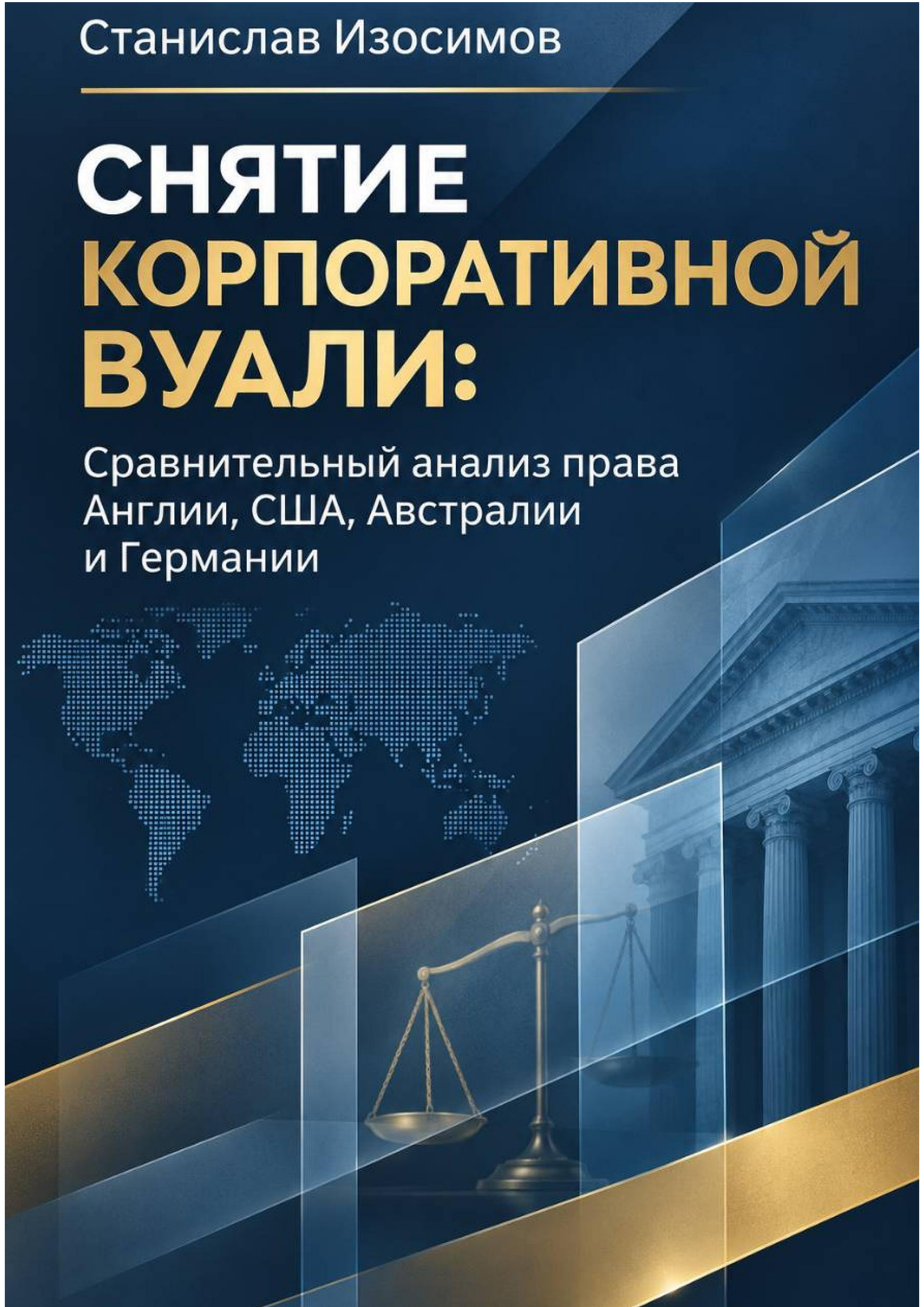
Станислав Изосимов

СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ:

Сравнительный анализ права Англии, США, Австралии и Германии

Станислав Изосимов

СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ: Сравнительный анализ права Англии, США, Австралии и Германии

«Автор»
2026

Изосимов С. В.

СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ: Сравнительный анализ права Англии, США, Австралии и Германии / С. В. Изосимов — «Автор», 2026

Ограниченная ответственность защищает участников компании от ее долгов, но эта защита не абсолютна. Когда юридическое лицо превращается в инструмент злоупотребления, суд может выйти за пределы формальной обособленности компании и возложить ответственность на участников, бенефициаров или материнское общество.Книга адвоката Станислава Изосимова посвящена снятию корпоративной вуали в праве Англии, США, Австралии и Германии. Автор рассматривает ключевые судебные дела, законодательные конструкции и критерии, которыми руководствуются суды: уклонение от исполнения обязательств, смешение активов, недостаточная капитализация, фактический контроль и причинение вреда кредиторам. Сопоставление четырех правопорядков позволяет увидеть общую логику доктрины и различия в ее применении.Издание адресовано адвокатам, корпоративным юристам, арбитражным управляющим, руководителям компаний и всем, кто изучает пределы ограниченной ответственности.

© Изосимов С. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Об авторе 6
ВВЕДЕНИЕ 7
ГЛАВА 1. АНГЛИЯ 16
1. От Salomon к Prest: общий вектор 17
2. Salomon: нормативное рождение корпоративной обособленности 19
3. Ранние дела об уклонении и адресные средства защиты 22
4. Группы компаний и консервативный поворот 23
5. Ben Hashem v Al Shayif: от семейного спора к общему тесту 26
6. Gramsci Shipping v Stepanovs: крайняя точка договорного piercing 28
7. VTB Capital v Nutritek: вуаль не создает сторону договора 31
8. Prest v Petrodel: современная формула 33
9. После Prest: ответственность без снятия вуали 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ: Сравнительный анализ права Англии, США, Австралии и Германии

СТАНИСЛАВ ИЗОСИМОВ

СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ

Сравнительный анализ права Англии, США, Австралии и Германии

Ответственность участников, бенефициаров и материнских компаний

2026

Глава 1. Англия. Колыбель доктрины и консервативный щит
Глава 2. США. Факторные тесты alter ego и instrumentality
Глава 3. Австралия. Английское наследие и законодательная защита кредиторов
Глава 4. Германия. Континентальная догматика (Durchgriffshaftung)
Глава 5. Сравнительный синтез и практические выводы
Приложение. Российская субсидиарная ответственность и Флорида

Об авторе

Я адвокат Станислав Изосимов. Моя практика связана с корпоративным правом и банкротными спорами. В этой книге меня интересуют пределы личной ответственности человека, который руководит компанией либо определяет ее решения, и основания взыскания с него корпоративных долгов. Этому посвящено исследование снятия корпоративной вуали.

Меня беспокоит российская практика. Считаю, что субсидиарная ответственность стала обычным способом взыскания корпоративных долгов. Такой подход размывает ограниченную ответственность участников и делает менее предсказуемой границу между долгами компании и личными обязательствами людей, фактически определяющих ее решения. Для директора эта граница имеет значение.

Убыток еще требует объяснения. Неблагоприятный результат сам по себе не доказывает неправомерности поведения. Когда решение оценивают после банкротства, уже известный исход может заслонить обстоятельства, в которых действовал руководитель, и превратить предпринимательский риск в угрозу личному имуществу. Я считаю такой подход опасным.

Поэтому я обратился к зарубежному праву. Меня интересует основание вмешательства. Я хочу установить, в каких случаях суд переносит долг компании на контролирующее лицо и когда взыскивает за его собственное нарушение. Эти конструкции требуют раздельного рассмотрения. Снятие корпоративной вуали нужно отличать и от специальных оснований ответственности при банкротстве.

Защита нужна обеим сторонам. Кредитору необходим способ пресечь злоупотребление корпоративной формой должника. Добросовестный руководитель должен понимать, какие действия могут повлечь личное взыскание, и сохранять возможность принимать коммерческие решения, даже когда их результат заранее не известен. Так возник замысел этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

К книге «Снятие корпоративной вуали»

1. Актуальность темы

1.1. Что именно ограничивает ограниченная ответственность

Компания отвечает всем своим имуществом. Ее участник по общему правилу рискует только согласованным вкладом. Самостоятельная правосубъектность позволяет компании приобретать права и принимать обязанности от собственного имени, а ограниченная ответственность определяет предел имущественного риска вложившего средства участника. Это две связанные, но разные конструкции.[1]

Размер риска известен заранее. Участник понимает, каким имуществом компания отвечает перед своими кредиторами. По общему правилу согласованный вклад ограничивает его потери, но собственные противоправные действия могут повлечь ответственность участника независимо от наличия долгов у компании. Долги компании от этого не исчезают.

Инвестору нужен предел потерь. Без него покупка небольшой доли угрожала бы личному имуществу. Тогда пассивному акционеру пришлось бы оценивать перспективы предприятия, проверять состоятельность совладельцев и следить за решениями менеджеров, хотя на возникновение обязательств компании он повлиять не может. Такая проверка требует времени и денег.

1.2. Исторический аргумент: от сильной формулы к осторожному выводу

В начале XX века Николас Мюррей Батлер назвал корпорацию с ограниченной ответственностью величайшим единичным открытием Нового времени и поставил ее значение выше пара и электричества.[2] Сравнение получилось запоминающимся. За ним стоит определенный экономический аргумент: капитал многих лиц можно объединить без угрозы разорения каждого инвестора при неудаче предприятия. Но сравнение не доказывает причинной связи.

История не укладывается в одну дату. Это показывает исследование Рона Харриса. В XVII–XVIII веках крупные компании могли работать без отчетливо сформулированного режима ответственности участников. В XIX и начале XX века сосуществовали неограниченная и частичная ответственность, двойная ответственность и другие формы дополнительных требований к участникам. Ограниченная ответственность стала общим свойством корпораций значительно позднее первых этапов промышленной революции.[3]

Капитал привлекали и без полной защиты участников. Это касается канальных и железнодорожных предприятий, промышленности и банков. Акции компаний с дополнительной ответственностью тоже обращались на ликвидных рынках. Поэтому приведенные исторические примеры не подтверждают утверждения, что современная экономика вообще не могла возникнуть без ограниченной ответственности.[4] Экономический эффект требует отдельного объяснения. Одной хронологии здесь недостаточно. Ограниченная ответственность снижала цену организации крупного предприятия и облегчала обращение корпоративных прав, благо-

---

[1] Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (HL).

[2] Butler N.M. Address at the 143rd Annual Banquet of the Chamber of Commerce of the State of New York (16 November 1911), quoted in: Fletcher W.M. Cyclopedia of the Law of Private Corporations. Vol. 1. 1917. P. 43.

[3] См.: Harris R. A New Understanding of the History of Limited Liability: An Invitation for Theoretical Reframing // Journal of Institutional Economics. 2020. Vol. 16. Iss. 5. P. 643–664. DOI: 10.1017/S1744137420000181.

[4] См.: Harris R. Op. cit.; Acheson G.G., Turner J.D. Does Limited Liability Matter? Evidence from Nineteenth-Century British Banking // Review of Law and Economics. 2010. Vol. 6. Iss. 2. DOI: 10.2202/1555-5879.1444.

даря чему финансирование могли получить проекты, недоступные при более высоких издержках. Эти механизмы я рассматриваю далее.

1.3. Почему ограниченная ответственность стимулирует инвестиции

Объяснение Фрэнка Истербрука и Дэниела Фишела опирается на теорию фирмы. Управление отделяется от инвестирования. Публичная корпорация соединяет знания менеджеров и работников с капиталом инвесторов, которые несут риск вложений, но не занимаются повседневными решениями. Такое разделение создает расходы на контроль. Ограниченная ответственность позволяет часть этих расходов сократить.[5]

За менеджерами нужен контроль. Однако инвестор уже распределил свое состояние между несколькими компаниями. Ограниченная ответственность уменьшает необходимость проверять каждое решение руководства, поскольку неудача отдельной компании по общему правилу не ставит под угрозу все личное имущество. Управленческий риск при этом сохраняется. Он отражается в цене акций и стоимости привлечения капитала, а правила корпоративного управления определяют способы его ограничения.

Состояние совладельцев теряет значение. Участнику не приходится выяснять, смогут ли расплатиться остальные акционеры. При дополнительной ответственности такая проверка понадобилась бы, поскольку неплатежеспособность участников могла увеличить требования к тому, кто сохранил имущество для расчетов с кредиторами. Отсюда интерес к личности покупателя акций. Инвестор получил бы стимул препятствовать продаже акций менее состоятельным лицам.[6]

Акции можно оценивать одинаково. Их стоимость зависит от ожидаемых денежных потоков самой компании. Личное имущество держателя не определяет цену акции, поэтому покупателю проще приобрести крупный пакет, а рынок корпоративного контроля получает возможность реагировать на плохое управление. Менеджмент можно сменить через покупку акций.

Единая цена собирает рыночную информацию. Инвестору не приходится заново оценивать каждую компанию самостоятельно. При неограниченной ответственности богатый приобретатель и покупатель с меньшим состоянием по-разному оценивали бы одну акцию, поскольку рисковали бы разными суммами личного имущества. Ограничение риска устраняет эту разницу. Цена отражает доступные сведения о компании и тем самым сокращает расходы участников на оценку.[7]

Инвестор распределяет свои вложения. Он может покупать акции компаний в разных отраслях экономики. Ограниченная ответственность позволяет заранее отделить риск инвестиции, тогда как при неограниченной ответственности новый актив добавлял бы один источник требований к личному имуществу. По общему правилу потери ограничены вложениями. Распределять средства можно также между государствами. Без ограничения ответственности инвестору пришлось бы концентрировать вложения и оплачивать контроль за каждым предприятием.

Диверсификация влияет и на менеджеров. Они могут выбирать проекты с положительной чистой приведенной стоимостью, даже когда результат отдельного вложения высоко неопределенен. Неудачу компенсируют другие активы инвестора. Этот аргумент применим к фар-

---

[5] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Limited Liability and the Corporation // University of Chicago Law Review. 1985. Vol. 52. No. 1. P. 89–117, esp. P. 93–94; Manne H.G. Our Two Corporation Systems: Law and Economics // Virginia Law Review. 1967. Vol. 53. P. 259–284.

[6] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 94–95.

[7] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 95–96; Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. An Economic Analysis of Limited Liability in Corporation Law // University of Toronto Law Journal. 1980. Vol. 30. P. 117–150.

мацевтике и новым технологиям, а также к энергетике и другим капиталоемким отраслям.[8] Утверждение о большинстве неокупающихся разработок требует отраслевых данных: [уточнить]. Успех отдельных проектов может покрывать стоимость неудач.

Выгоду нужно искать в издержках. Автоматического обогащения акционеров здесь нет. Заранее известный риск отражается в цене акций, а кредитор учитывает его в процентной ставке. Свою доходность оценивает и инвестор. Ограниченная ответственность сокращает расходы на наблюдение за компанией и защиту личного имущества, благодаря чему больше средств может получить производство и разработка новых технологий. Речь идет о проектах, ожидаемая ценность которых превышает затраты.[9]

1.4. Предел экономического аргумента

Рынок капитала не требует единственного режима ответственности. Исторические примеры это подтверждают. Акции American Express, калифорнийских компаний до законодательной реформы 1931 года и британских банков XIX века могли обращаться при дополнительной ответственности участников.[10] Поэтому тезис о снижении транзакционных и информационных издержек точнее утверждения о невозможности фондового рынка без ограниченной ответственности. Одного закона о вкладах недостаточно. Инвестору нужны достоверная отчетность и возможность продать свои акции. Защита кредитора зависит от судопроизводства, а привлечение средств также связано с банковской системой и инфраструктурой фондового рынка. Имеет значение свобода учреждения компаний. Ограниченная ответственность работает внутри этой правовой среды и сама по себе не гарантирует роста экономики.

Для публичной корпорации аргумент сильнее. Ее пассивные акционеры могут распределить капитал между многими компаниями. В закрытом обществе собственник нередко сам руководит бизнесом, непосредственно контролирует решения и ограничен в передаче доли. Экономия на контроле здесь меньше. Возможность перенести потери на кредитора сохраняется, что помогает объяснить интерес доктрины снятия вуали к закрытым компаниям и корпоративным группам.[11] Частоту таких споров нужно оценивать по конкретной выборке.

1.5. Кому достаются убытки компании

Нехватка имущества затрагивает кредиторов. Они получают меньше, если компания не может погасить обязательства. Непокрытые потери могут остаться у работника или потребителя, у потерпевшего от деятельности компании, а иногда у общества. Ограниченная ответственность их не устраняет. Правовой вопрос состоит в том, кто и при каких условиях принимает эти потери на себя.

Профессиональный договорный кредитор может оценить вероятность дефолта заранее. У него есть договорные средства защиты. Он вправе потребовать повышенный процент или иную цену, договориться о залоге либо поручительстве, установить ковенанты, ограничивающие рискованные действия должника. У небольшого поставщика такой возможности может не быть. Работнику тоже может недоставать информации и переговорной силы. Кроме того, оформление обеспечения по небольшой сделке способно обойтись дороже самой защиты.[12]

---

[8] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 96–97.

[9] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 97.

[10] См.: Grossman P.Z. The Market for Shares of Companies with Unlimited Liability: The Case of American Express // Journal of Legal Studies. 1995. Vol. 24. No. 1. P. 63–85; Weinstein M.I. Share Price Changes and the Arrival of Limited Liability in California // Journal of Legal Studies. 2003. Vol. 32. No. 1; Acheson G.G., Turner J.D. Op. cit.

[11] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 109–111.

[12] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 104–105.

Потерпевший должника не выбирает. Он не может согласовать обеспечение до причинения ему вреда. Если опасную деятельность ведет компания с минимальным капиталом, контролирующее лицо получает выгоду, а имущества компании может не хватить для возмещения причиненного вреда. Непокрытые потери остаются на стороне потерпевшего.[13]

В группе компаний риск можно отделить. Материнское общество передает опасное направление дочерней структуре, ограничивая доступное ее кредиторам имущество. Экономическая выгода остается внутри группы. Такое разделение само по себе допустимо. Вмешательство требует иного основания: распределение функций и капитала может не соответствовать устройству бизнеса либо использоваться для вывода активов. Другие возможные нарушения связаны с введением кредиторов в заблуждение и уклонением от уже возникшей обязанности.[14]

Защита кредитора тоже стоит денег. Страхование может быть обязательным или добровольным. Закон может требовать определенного капитала, возлагать ответственность на директора за собственные нарушения, допускать оспаривание сделок и специальные банкротные средства защиты. Опасные виды деятельности требуют отдельного регулирования. Завышенный минимальный капитал и обязательное страхование способны затруднить вход на рынок. Чрезмерная ответственность менеджеров побуждает отказываться от рискованных проектов, в том числе общественно полезных.[15]

1.6. Снятие корпоративной вуали как проблема границ

Суд иногда отступает от обособленности компании. Для этого существует доктрина снятия корпоративной вуали. Она позволяет в исключительном случае не признать отдельное имущественное либо обязательственное последствие корпоративной формы и адресовать ответственность участнику, контролирующему лицу или другой компании группы. Вмешательство касается конкретного правоотношения.

У Роберта Томпсона есть эмпирический ориентир. Он исследовал примерно 1 600 американских дел. Снятие вуали произошло приблизительно в 40 процентах споров, причем ни одного такого результата в отношении публичной корпорации исследование не выявило. Для компаний единственного участника доля положительных решений приближалась к половине.[16] Эти результаты относятся к изученной выборке. Они согласуются с экономическим объяснением вмешательства в закрытых обществах и группах, где активные участники могут переносить потери на кредиторов через недокапитализацию или смешение имущества, а также вводить кредитора в заблуждение.

Выборка охватывает опубликованные споры. До требования о снятии вуали дошли только некоторые потерпевшие. Деликтные требования могут покрываться страхованием, поэтому сама частота судебного вмешательства не показывает всех случаев вреда и всех способов его возмещения. По проценту нельзя предсказать исход дела. Для анализа нужны организационный тип компании и фактическая возможность контролирующего лица переносить риск на третьих лиц.

Контроль над компанией правомерен. Собственник может создавать дочерние общества для отдельных направлений бизнеса. Принадлежность компаний одному бенефициару и неудача проекта сами по себе не доказывают оснований личного взыскания. Недостаточно и

---

[13] См.: Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. No. 7. P. 1879–1934.

[14] См.: Blumberg P.I. The Law of Corporate Groups: Procedural Problems in the Law of Parent and Subsidiary Corporations. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1983; Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 110–111.

[15] См.: Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 114–116.

[16] См.: Thompson R.B. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // Cornell Law Review. 1991. Vol. 76. P. 1036–1074.

одного факта контроля. Если превратить эти признаки в презумпцию ответственности, инвестор потеряет возможность заранее оценить предел своих потерь.

Узкое вмешательство оставляет пробелы защиты. Кредитор может не получить возмещения, хотя компанию использовали для уклонения от исполнения. Широкое вмешательство тоже создает издержки. Инвестор потребует дополнительную доходность либо сократит рискованные вложения. Он также может усложнить структуру владения активами, чтобы защититься от непредсказуемого взыскания.

Я связываю вмешательство с конкретным злоупотреблением. Ограниченная ответственность должна сохранять свою функцию. Суду нужны предусмотренные правом обстоятельства неправомерного использования обособленности и связь этого использования с нарушенным правом кредитора. Отдельно нужно обосновать средство защиты. Сам факт контроля или нехватка корпоративного имущества эту работу не заменяют.

1.7. Сравнительная актуальность исследования

После Prest v Petrodel Resources английское право допускает собственно piercing в узкой ситуации уклонения от уже существующей обязанности.[17] Американские суды применяют многофакторные конструкции alter ego и instrumentality. Подходы заметно различаются. Австралия сочетает английское прецедентное наследие со специальной ответственностью за insolvent trading. В Германии сходные задачи решают через Durchgriffshaftung и Existenzvernichtungshaftung. Эти конструкции нужно рассматривать раздельно.

Я сравниваю основания вмешательства. Совпадение терминов еще не означает совпадения правовых последствий. Защиту кредитору может дать прямой деликтный иск или ответственность директора, а иногда оспаривание сделки либо специальное банкротное правило. Общая доктрина снятия вуали нужна не всегда. Сравнение позволяет установить, какой из этих путей дает более предсказуемый результат. В транснациональной группе добавляется граница государств. Производство может находиться в одном обществе, а интеллектуальная собственность и другие активы в другом. Управление и долги тоже распределены. При банкротстве отдельной компании суду нужно проверить назначение этой структуры: она может отражать разделение функций либо служить неправомерной изоляции активов от обязательств. Само разделение еще ничего не доказывает.

Российская субсидиарная ответственность имеет собственные основания. У нее свои презумпции и последствия. Функциональная близость к снятию корпоративной вуали не позволяет переносить иностранные решения без проверки норм, на которых строится требование к контролирующему должника лицу. Зарубежные модели дают материал для сравнения. С их помощью можно проверить соотношение защиты кредитора и предсказуемости риска. Я исследую пределы обособленности. Меня интересуют основания ответственности контролирующего лица по долгам компании. Ограниченная ответственность помогает объединять капитал и распределять вложения, но позволяет отделить контроль и выгоду от потерь, которые несут другие участники оборота. Граница вмешательства требует объяснения в каждом правопорядке.

2. Юридическое лицо как правовая фикция и правовой инструмент

Корпорация создана правом. У нее нет сознания или воли, существующих независимо от людей, которые ее учредили и управляют ею. Тем не менее она самостоятельна юридически. Право рассматривает организованную деятельность множества лиц как деятельность одного субъекта и связывает с ним имущественные последствия.

---

[17] Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34, paras. 27–35.

«Фикция» обозначает юридический прием. Слово не указывает на обман или ничтожность самой корпорации. Право признает организацию самостоятельным участником отношений и связывает с ней имущество и обязательства, хотя действуют от ее имени физические лица, наделенные полномочиями. Так право создает отдельного участника оборота.

Верховный суд США выразил этот подход в деле *Trustees of Dartmouth College v. Woodward*, 17 U.S. (4 Wheat.) 518 (1819). Джон Маршалл дал известное определение. Корпорация представляет собой «an artificial being, invisible, intangible, and existing only in contemplation of law», то есть искусственное образование, существующее лишь в представлении права. Ее свойства определяются законом. Суд относил к ним свойства, прямо предоставленные правом либо необходимые для достижения целей создания корпорации. [18]

Спор Dartmouth College имел другой предмет. Он касался изменения властями штата устава частной корпорации. Снятие корпоративной вуали там не обсуждалось. Для моего исследования имеет значение исходная мысль решения: юридическая личность корпорации возникает вследствие правового признания, а ее самостоятельные свойства определяет право.

Участники сменяются, корпорация остается. Ее имущество не нужно передавать заново каждому новому составу акционеров. Компания продолжает исполнять обязательства и участвовать в отношениях, даже если отдельный акционер умер или вышел из бизнеса. Право обеспечивает непрерывность существования предприятия. Сменяющиеся люди действуют в рамках одного субъекта.

Капитал получает отдельный правовой режим. Имущество проекта обособлено от имущества участников. Для него установлен порядок управления, а действовать от имени организации могут определенные лица. Компания приобретает собственные права и обязанности. Эти свойства позволяют вести коллективную деятельность без переоформления всего предприятия при каждой смене участников.

Договор подписывает конкретный человек, а обязательства из договора при этом могут возникнуть у корпорации. Право определяет, какие действия директора связывают компанию и при каких условиях вред, причиненный работниками, должна возместить корпорация за счет принадлежащего ей имущества. Именно так работает механизм юридического вменения. По тем же правилам решение директора или совета директоров рассматривается как решение юридического лица.

Я принимаю теорию фикции. Право признает корпорацию субъектом и защищает обособленность ее имущества. Эта самостоятельность имеет юридическую силу, поскольку закон связывает действия людей с правами и обязанностями организации, созданной для ведения деятельности и объединения капитала. Без людей корпорация лишена собственной воли.

Договорная теория задает другой вопрос. Она рассматривает отношения, организованные с помощью корпоративной формы. Теория фикции, выраженная в деле Dartmouth College, объясняет создание и признание юридического лица правом. Эти объяснения близки, но не тождественны.

Фрэнк Х. Истербрук и Дэниел Р. Фишел в работе *Limited Liability and the Corporation* называют корпорацию «a name for a complex set of contracts» и отмечают, что «the corporation is not real».[19] За названием стоят отношения людей. Участники предоставляют капитал, руководители принимают решения. Работников связывают с предприятием трудовые отношения, а кредиторов требования из обязательств. Корпорация придает этим связям юридическую форму.

Правосубъектность здесь не отрицается. Авторы описывают устройство отношений за корпоративным наименованием. Право относит к компании имущество и договоры, связывает

[18] Trustees of Dartmouth College v Woodward, 17 U.S. (4 Wheat.) 518, 636 (1819).

[19] Easterbrook F.H., Fischel D.R. Op. cit. P. 89.

ее с решениями органов управления и действиями работников, адресует ей требования кредиторов. Ответственность тоже получает определенного носителя. Корпорация существует в праве, хотя не существует независимо от образующих ее отношений.

Я использую обе теории. Фикция объясняет признание организации самостоятельным субъектом права. Договорная теория позволяет рассмотреть имущественные и управленческие связи за его наименованием, включая труд работников и предоставление инвесторами капитала. Одно объяснение дополняет другое. Действующие через корпорацию люди получают единый правовой порядок принадлежности имущества и возникновения обязательств.

Долг остается долгом компании. Описание корпорации через отношения людей этого не меняет. Право заранее распределяет последствия между самостоятельным юридическим лицом и инвесторами, чьи потери ограничены, поэтому произвольное изменение такого распределения разрушило бы предсказуемость оборота. Экономические причины рассмотрены в предыдущем разделе.

Вмешательству нужно самостоятельное правовое основание. Одного впечатления о несправедливости результата недостаточно. Суд должен установить нарушение при использовании корпоративной формы: обман либо уклонение от уже существующей обязанности, сокрытие имущества или другое юридически значимое злоупотребление. Защита должна устранять именно его последствия. Искусственная природа корпорации объясняет возможность такой корректировки, но не дает готового основания иска.

Апелляционный суд Нью-Йорка рассмотрел ранний пример в деле *Booth v. Bunce*, 33 N.Y.139 (1865). Товарищество испытывало финансовые затруднения. Его участники учредили корпорацию и передали ей имущество товарищества. Кредитор оспорил назначение этой передачи. Он утверждал, что корпорацию создали для обмана кредиторов и воспрепятствования взысканию.[20]

Корпорацию учредили по закону. Доказательств прекращения ее существования не было. Однако суд допустил исследование цели учреждения и передачи имущества, а присяжные установили использование корпоративной формы для воспрепятствования кредиторам. Соблюдение формы не узаконило обман. Именно этот вывод позволил преодолеть препятствие к взысканию.

Корпорация сохранила свою правосубъектность. Ее добросовестные кредиторы сохранили возможность ссылаться на самостоятельность компании. В деле Booth v. Bunce суд отказался признавать те последствия обособленности, которые мешали кредитору взыскать долг за счет имущества, переданного корпорации для его обмана. Вмешательство затронуло конкретное правоотношение сторон.

Снятие вуали действует адресно. Компания не перестает существовать для всех остальных участников оборота. Суд отступает от отдельного последствия корпоративной формы в пределах, необходимых для устранения злоупотребления в рассматриваемом правоотношении. Правосубъектность в целом сохраняется. Верховный суд Калифорнии обозначил предел вмешательства в деле *Dos Pueblos Ranch & Improvement Co. v. Ellis*, 8 Cal. 2d 617, 67 P.2d 340 (1937). Ответчики ссылались на мажоритарного акционера. Он контролировал корпорацию и фактически управлял ею. Из этого ответчики выводили необходимость рассматривать компанию и акционера как единое целое.[21]

Суду этих обстоятельств не хватило. Владение большинством акций и управление компанией сами по себе не устраняют ее самостоятельности. Требовалось установить alter ego корпорации и контролирующего лица, а также то, что сохранение их формального разделения

[20] Booth v Bunce, 33 N.Y. 139 (1865).

[21] Dos Pueblos Ranch & Improvement Co. v Ellis, 8 Cal. 2d 617, 67 P.2d 340 (1937).

способствовало бы совершению или завершению правонарушения. Контроль не заменяет эти условия.

Обратный подход менял бы правило. Контроль над корпорацией присущ обычному владению акциями. Если бы его хватало для отрицания самостоятельности юридического лица, большинство частных компаний лишилось бы отдельной юридической идентичности. Суд указал на это последствие. Одна из целей создания корпорации оказалась бы утрачена.

Booth v. Bunce пресекает конкретный обман. Dos Pueblos Ranch устанавливает предел вмешательства. Контроль и доминирование позволяют влиять на компанию, но сами по себе не доказывают неправомерного использования ее обособленности. Эти решения отвечают на разные доводы. Из этих решений я вывожу границы применяемого подхода.

Право приписывает действия организации. Через нее люди объединяют имущество и ведут общую деятельность. У юридического лица возникают собственные права и обязанности. Эта самостоятельность имеет силу и тогда, когда корпорация описывается как правовая фикция. Обособленность нужно признавать последовательно. Пока корпоративную форму используют по назначению, обязательства участников не сливаются с обязательствами компании. То же относится к имуществу. Признание фикции не дает оснований для их произвольного объединения.

Контроль объясняется устройством компании. Единственный участник определяет ее решения. На направление деятельности также могут влиять мажоритарный акционер или материнское общество. Общие руководители и единая стратегия сами по себе не доказывают злоупотребления. Принадлежность к группе тоже недостаточна.

Назначение корпоративной формы имеет пределы. Суд может исследовать отношения за формальной структурой. Для этого нужно установить обман кредиторов либо уклонение от ранее возникшей обязанности, сокрытие имущества или другое правонарушение. Фикция не должна защищать такое поведение.

Последствие вмешательства должно быть соразмерным. Суд устраняет конкретное неправомерное преимущество. Он отказывается признавать тот эффект обособленности, который позволил бы контролирующему лицу воспользоваться нарушением, и ограничивает защиту соответствующим правоотношением. Корпорация продолжает существовать в праве.

Основания ответственности нужно установить. Теория фикции сама по себе не заменяет такого доказывания. Истцу необходимо доказать нарушение при использовании корпоративной формы, вред и причинную связь, установить субъективный элемент и обосновать необходимость выбранного им способа защиты. Перечень условий зависит от соответствующего правопорядка.

Корпоративная вуаль следует из правил вменения. По общему правилу имущество и сделки относятся к компании. Ее обязательства не становятся долгами стоящих за ней физических лиц. Снятие вуали корректирует это распределение в исключительном случае, когда обычное признание обособленности позволяло бы использовать корпоративную форму вопреки ее правовому назначению. Юридическая фикция сохраняет практический смысл. Она позволяет организовать предприятие и обособить его имущество. Обман не получает защиты, но и сама искусственная природа компании не оправдывает взыскание ее долгов с участников. Каждому требованию нужно собственное основание.

3. Основные источники к введению

Acheson G.G., Turner J.D. Does Limited Liability Matter? Evidence from Nineteenth-Century British Banking // Review of Law and Economics. 2010. Vol. 6. Iss. 2.

Blumberg P.I. The Law of Corporate Groups: Procedural Problems in the Law of Parent and Subsidiary Corporations. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1983.

Butler N.M. Address at the 143rd Annual Banquet of the Chamber of Commerce of the State of New York (16 November 1911), quoted in: Fletcher W.M. Cyclopedia of the Law of Private Corporations. Vol. 1. 1917. P. 43.

Easterbrook F.H., Fischel D.R. Limited Liability and the Corporation // University of Chicago Law Review. 1985. Vol. 52. No. 1. P. 89–117.

Grossman P.Z. The Market for Shares of Companies with Unlimited Liability: The Case of American Express // Journal of Legal Studies. 1995. Vol. 24. No. 1. P. 63–85.

Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. An Economic Analysis of Limited Liability in Corporation Law // University of Toronto Law Journal. 1980. Vol. 30. P. 117–150.

Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. No. 7. P. 1879–1934.

Harris R. A New Understanding of the History of Limited Liability: An Invitation for Theoretical Reframing // Journal of Institutional Economics. 2020. Vol. 16. Iss. 5. P. 643–664.

Manne H.G. Our Two Corporation Systems: Law and Economics // Virginia Law Review. 1967. Vol. 53. P. 259–284.

Thompson R.B. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // Cornell Law Review. 1991. Vol. 76. P. 1036–1074.

Weinstein M.I. Share Price Changes and the Arrival of Limited Liability in California // Journal of Legal Studies. 2003. Vol. 32. No. 1.

Trustees of Dartmouth College v Woodward, 17 U.S. (4 Wheat.) 518 (1819).

Booth v Bunce, 33 N.Y. 139 (1865).

Dos Pueblos Ranch & Improvement Co. v Ellis, 8 Cal. 2d 617, 67 P.2d 340 (1937).

Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (HL).

Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34.

ГЛАВА 1. АНГЛИЯ

Колыбель доктрины и консервативный щит

Отдельная правосубъектность составляет правило. Снятие корпоративной вуали остается исключительным средством. Большинство рассматриваемых здесь задач английское право решает через договор и деликт, агентирование и право справедливости. С этих оснований начинается проверка требования.

1. От Salomon к Prest: общий вектор

Salomon закрепило самостоятельность компании. Английские суды отступают от нее в узких пределах. Контроль над обществом, нехватка его имущества или недобросовестность участника сами по себе не дают общей санкции в виде снятия вуали. Сначала суд проверяет другие основания. Защиту могут дать толкование сделки и агентирование, доверительная собственность, деликтный иск, реституция либо специальная статутная норма. Для дальнейшего анализа необходимо различать два внешне сходных действия суда. В *Atlas Maritime Co SA v Avalon Maritime Ltd (The Coral Rose) (No 1)* термин *piercing* обозначал ситуацию, когда права или обязанности компании рассматриваются как права или обязанности ее участников. *Lifting*, напротив, означает, что суд для определенной правовой цели принимает во внимание лиц, стоящих за компанией, не перенося на них ее обязательства.[22]

При lifting долг не переносится. Суд устанавливает факты для определенной правовой цели. Piercing затрагивает правило Salomon, тогда как раскрытие стоящих за компанией лиц может потребоваться для применения специальной нормы или проверки агентирования. Эти действия нельзя считать одним вмешательством. П. Н. Левенберг отмечает, что суды значительно чаще «поднимают» вуаль, чем «пробивают» ее, поэтому объединение таких дел в одной статистике завышает частоту переноса ответственности.

Линия развития английской практики выглядит последовательной лишь ретроспективно. *Salomon v A Salomon & Co Ltd* закрепило отдельную правосубъектность зарегистрированной компании. *Gilford Motor* и *Jones v Lipman* показали, что корпоративная форма не обеспечивает выгоды от уклонения от ранее возникшей обязанности. *Adams v Cape Industries* отказалось превращать группу компаний в единое предприятие по мотивам справедливости. *Ben Hashem v Al Shayif* свело прежнюю практику к шести ограничениям и потребовало связи между неправомерностью и использованием корпоративной структуры. *Gramsci Shipping v Stepanovs* стало кратким, но показательным отклонением: суд первой инстанции попытался сделать контролирующее лицо стороной договоров подконтрольных компаний. *VTB Capital v Nutritek* отвергло такую реконструкцию, а *Prest v Petrodel* предложило язык принципов сокрытия и уклонения, одновременно сведя собственно piercing к исключительному и остаточному средству. Для меня здесь важна предсказуемость. Корпорацию создает право, и оно же определяет ее свойства. Фикционная природа юридического лица не дает суду свободы игнорировать его всякий раз, когда самостоятельность компании приводит к неудобному результату. У правовой фикции есть обязательные последствия. Участники оборота заранее распределяют имущество и обязательства, принимая в расчет установленные правила риска.

[22] Atlas Maritime Co SA v Avalon Maritime Ltd (The Coral Rose) (No 1) [1991] 4 All ER 769, p. 779; Levenberg P.N. The Mystery of the Corporate Veil: Comparing Anglo-American Jurisdictions // Penn State Journal of Law & International Affairs. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 115–186.

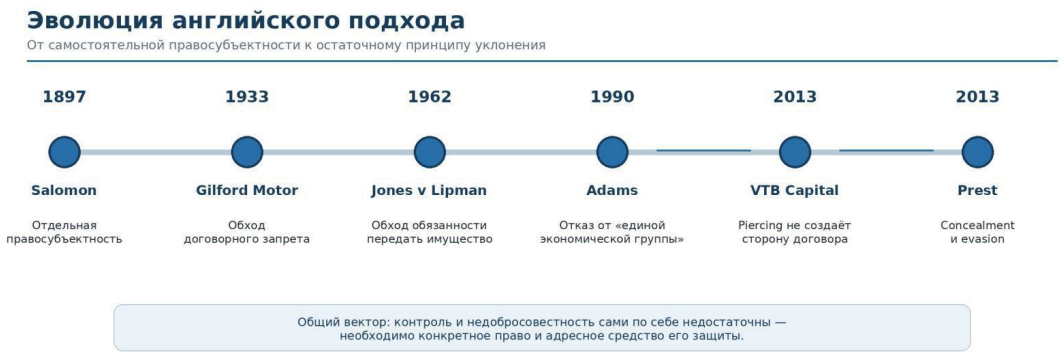

Схема 1. Эволюция английского подхода к корпоративной обособленности

2. Salomon: нормативное рождение корпоративной обособленности

2.1. Исторический контекст

К концу XIX века учреждение компаний упростилось. Закон 1844 года ввел регистрацию акционерных компаний. Закон 1855 года признал ограниченную ответственность при установленных условиях, а законодательство 1856 и 1862 годов закрепило модель зарегистрированной компании.[23] Вопрос закрытого бизнеса оставался открытым. Предстояло решить, может ли один предприниматель сохранить полный контроль и одновременно пользоваться самостоятельностью компании. Палата лордов ответила в Salomon v A Salomon & Co Ltd.[24] Дело касалось условий применения закона. Суд не вводил ограниченную ответственность впервые. Он отказался добавлять требование экономической независимости участников: надлежащая регистрация создает отдельного субъекта, даже если бизнес фактически остается предприятием одного человека.

2.2. Факты и позиции нижестоящих судов

Аарон Саломон много лет успешно торговал обувью и кожевенными товарами. В 1892 году он преобразовал бизнес в компанию A. Salomon & Co Ltd. Закон требовал не менее семи подписчиков, поэтому учредителями выступили сам Саломон, его жена, дочь и четыре сына. Члены семьи получили по одной акции, а подавляющее большинство акций оказалось у Саломона.[25] Компания приобрела его предприятие. Часть цены была уплачена акциями и денежными средствами, а остальная часть цены была уплачена обеспеченными облигациями в пользу продавца. Затем компания стала неплатежеспособной. Имущества не хватало на обеспеченные и необеспеченные требования. При сохранении приоритета облигаций Саломона внешние необеспеченные кредиторы практически ничего не получали. Ликвидатор оспорил именно этот результат. Он утверждал, что компания служила агентом либо доверительным держателем бизнеса Саломона и потому тот должен возместить ее долги. Vaughan Williams J принял по существу агентскую конструкцию. Апелляционный суд рассуждал иначе по форме, но сходно по результату: остальные акционеры были названы номинальными участниками, а использование закона суд счел способом, не соответствующим его предполагаемой цели. В обоих случаях суды пытались совместить формальное соблюдение требований регистрации с представлением о том, что корпоративные преимущества предназначались для подлинного объединения нескольких независимых предпринимателей.[26]

2.3. Решение Палаты лордов

Палата лордов единогласно отказала. Установленные законом условия учреждения компании были соблюдены. Закон не требовал равных долей подписчиков или их независимости

---

[23] О последовательности британских реформ см.: Joint Stock Companies Act 1844; Limited Liability Act 1855; Joint Stock Companies Act 1856; Companies Act 1862.

[24] Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (HL); решение вынесено 16 November 1896.

[25] Ibid., pp. 30–31, 52–53. Компания была учреждена Аароном Саломоном совместно с женой, дочерью и четырьмя сыновьями; каждый из шести членов семьи получил по одной акции.

[26] Broderip v Salomon [1895] 2 Ch 323 (Ch); Broderip v Salomon [1895] 2 Ch 323 (CA).

друг от друга, не обязывал каждого вносить значительный капитал. Суд не мог дописать эти требования. Его представление о надлежащей коммерческой цели регистрации не заменяло текст закона.[27]

Lord Macnaghten сформулировал центральный вывод: после законной регистрации компания представляет собой «a different person altogether»,то есть совершенно иное лицо.[28] Ее права и долги не становятся правами и долгами участника только потому, что тот владеет почти всеми акциями, управляет делами и получает экономическую выгоду. Так был проведен рубеж между предприятием, как экономической деятельностью и компанией, как юридическим носителем этой деятельности. Здесь действуют два правила. Имущество и обязательства принадлежат самой компании как самостоятельному субъекту. Ограничение риска участника означает, что кредитор компании по общему правилу не вправе взыскать долг из личного имущества акционера. Сама компания отвечает всем своим имуществом. Связь этих конструкций не делает их тождественными.[29]

Salomon не оправдывает любое поведение участника. Решение определяет принадлежность активов и обязательств после действительной регистрации. Собственный обман остается самостоятельным основанием ответственности. То же касается нарушения директорской обязанности, получения имущества по недействительной сделке или действий в качестве агента. Регистрация не отменяет эти нормы.

2.4. Последствия и предел прецедента

Сила *Salomon* особенно видна в деле *Lee v Lee's Air Farming*. Господин Ли контролировал почти все акции компании, был ее единственным управляющим директором и одновременно работал главным пилотом. После его гибели Тайный совет признал возможность трудового отношения между ним и компанией: один человек мог выступать в разных юридических качествах, поскольку работодатель-компания не совпадал со своим контролирующим участником.[30] Полный контроль совместим с самостоятельностью компании. Это показано в Lee v Lee's Air Farming. Для снятия вуали нужно дополнительное обстоятельство, связывающее использование компании с нарушением конкретного права. Иначе исключение поглотило бы правило. Прежде всего это затронуло бы закрытые общества, для которых Salomon имеет непосредственное значение.

2.5. Daimler : публичная политика и функциональное «поднятие» вуали

Особое место занимает Daimler Co Ltd v Continental Tyre and Rubber Co (Great Britain) Ltd. Компания была учреждена в Англии, однако в период Первой мировой войны находилась под контролем германских резидентов. Палата лордов признала, что для целей запрета торговли с неприятелем юридическое лицо могло приобрести «вражеский характер» из-за характера контроля над компанией. Суд при этом не возложил долг компании на акционеров и не отрицал действительность ее регистрации. Он заглянул за форму для применения специ-

---

[27] Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (HL), pp. 30–31 (Lord Halsbury LC), 51–54 (Lord Macnaghten).

[28] Ibid., p. 51: после надлежащего учреждения компания является самостоятельным лицом, даже если ее предприятие и контроль фактически остаются теми же, что до регистрации.

[29] См.: Davies P.L., Worthington S. Gower's Principles of Modern Company Law. 10th ed. London: Sweet & Maxwell, 2016. Ch. 2; Easterbrook F.H., Fischel D.R. Limited Liability and the Corporation // University of Chicago Law Review. 1985. Vol. 52. No. 1. P. 89–117.

[30] Lee v Lee's Air Farming Ltd [1961] AC 12 (PC). Контролирующий акционер мог одновременно состоять с компанией в трудовом отношении, поскольку компания не тождественна своему участнику.

ального публично-правового запрета.[31] Долг на акционеров не переносился. В терминологии Atlas Maritime суд поднял вуаль. Цель военного запрета определила результат, поэтому из Daimler не следует общее исключение для корпоративных кредиторов. Компания существовала еще до войны. Объяснить ее создание уклонением от уже возникшей обязанности по современной формуле Prest было бы трудно. Левенберг связывает Daimler с публичной политикой форума. Она помогает объяснить готовность суда исследовать контроль. Но специальному запрету нужна собственная сфера применения. Политическая цель не заменяет основания личной ответственности, поэтому дело не дает общей свободы снимать вуаль по соображениям справедливости.[32]

[31] Daimler Co Ltd v Continental Tyre and Rubber Co (Great Britain) Ltd [1916] 2 AC 307 (HL). Ведущее мнение изложил Lord Parker of Waddington; спор касался допустимости платежа компании в условиях запрета торговли с неприятелем.

[32] Levenberg P.N. Op. cit. P. 115–186. Автор рассматривает Daimler как пример влияния публичной политики форума; при этом корпоративная структура существовала до начала войны, поэтому одно лишь германское участие не доказывало предварительно задуманного обхода закона.

3. Ранние дела об уклонении и адресные средства защиты

3.1. Gilford Motor Co Ltd v Horne

В *Gilford Motor Co Ltd v Horne* бывший работник был связан договорным запретом переманивать клиентов работодателя. Чтобы продолжить конкурирующую деятельность, он использовал компанию, формально принадлежавшую другим лицам. Апелляционный суд распространил запрет и на компанию, охарактеризовав ее как средство, примененное для сокрытия запрещенной деятельности.[33] Обязанность Horne уже существовала. Компанию использовали для получения запрещенного договором результата. Суд распространил на нее адресный запрет и тем самым устранил выгоду от уклонения. Правосубъектность компании в целом сохранилась. Ее не сделали ответственной по всем долгам участника, хотя дело нередко описывают как исключение для «фиктивной» компании.

3.2. Jones v Lipman

Сходная структура присутствовала в *Jones v Lipman*. Продавец заключил договор отчуждения земли, но затем передал ее контролируемой компании, пытаясь сорвать требование покупателя о передаче имущества в натуре. Суд обязал исполнить договор и продавца, и компанию. Известная формула о компании как «mask» не была самостоятельным тестом недобросовестности. Она описывала инструмент, помещенный между кредитором и уже существующей обязанностью продавца.[34] Порядок проверки определяет результат. Сначала суд устанавливает независимо возникшее право истца. Затем он выясняет, использовал ли ответчик контроль над компанией для воспрепятствования этому праву, и выбирает необходимое для защиты средство. Общая оценка несправедливости этого не заменяет. Из нее не следует перенос всех корпоративных долгов. Правило Salomon продолжает действовать. Самостоятельная правосубъектность определяет обычную принадлежность прав и обязательств. Ранняя практика устранила возможность использовать компанию для нейтрализации запрета, который уже связывал контролирующее лицо. Позднее Lord Sumption назовет эту модель evasion principle.

[33] Gilford Motor Co Ltd v Horne [1933] Ch 935 (CA).

[34] Jones v Lipman [1962] 1 WLR 832 (Ch), p. 836. Russell J охарактеризовал компанию как устройство и маску, использованные для уклонения от исполнения по праву справедливости.

4. Группы компаний и консервативный поворот

4.1. Соблазн «единого экономического предприятия»

У группы может быть единое управление. Финансирование и бренд тоже могут совпадать. При этом активы и обязательства распределены между десятками самостоятельных обществ. Возникает довод о едином предприятии. Его сторонники предлагают перенести хозяйственное единство в право и рассматривать группу как одного обязанного участника оборота. До DHN агентская линия получила развернутое выражение в Smith, Stone & Knight Ltd v Birmingham Corporation. Суд учитывал шесть обстоятельств: рассматривалась ли прибыль дочерней компании как прибыль материнской, кто назначал лиц, ведущих предприятие, выступала ли материнская компания его «головой и мозгом», определяла ли она содержание деятельности и объем капитала, извлекалась ли прибыль благодаря ее навыкам и управлению, сохраняла ли она постоянный и действительный контроль.[35]

Перечень относился к агентированию. Самостоятельного теста снятия вуали он не создавал. В том споре установление агентского отношения позволило группе получить компенсацию за изъятие имущества, то есть работало в ее интересах. Направление вмешательства имеет значение. Учет единства группы для предоставления ей права еще не означает готовности возложить долг компании на участника.

В *DHN Food Distributors v Tower Hamlets* Апелляционный суд в контексте компенсации за принудительное отчуждение имущества допустил взгляд на несколько обществ группы как на единую экономическую единицу.[36] Однако в *Woolfson v Strathclyde Regional Council* Палата лордов сузила значение такого подхода и связала возможное отступление от раздельности со специальными обстоятельствами, показывающими фасад, скрывающий истинные факты.[37] В Adams v Cape Industries спор продолжился. Экономическое единство требовалось перевести в юридическое последствие. Истцам нужно было обосновать присутствие материнской компании через американские общества либо связать ее с их обязательствами. Сам контроль не давал готового ответа. Требовалось конкретное основание общего права.

4.2. Adams v Cape Industries: фабула

Cape Industries возглавляла асбестовую группу. Добыча шла в Южной Африке, продукцию продавали за рубежом. Потерпевшие от воздействия асбеста получили в Техасе решения против нескольких ответчиков, включая Cape и ее дочернюю компанию Capasco. Затем потребовалось исполнение в Англии. Признание этих решений и стало предметом спора. Спор включал вопросы международного частного права и присутствия иностранного ответчика в юрисдикции суда. Для корпоративного права центральным стало утверждение, что американские структуры, через которые велась реализация продукции, были частью единого предприятия Cape либо действовали как ее агенты. Если бы один из этих путей сработал, связь группы с Соединенными Штатами могла бы обосновать исполнение решений против английской материнской компании.

---

[35] Smith, Stone & Knight Ltd v Birmingham Corporation [1939] 4 All ER 116; Levenberg P.N. Op. cit. P. 115–186.

[36] DHN Food Distributors Ltd v Tower Hamlets London Borough Council [1976] 1 WLR 852 (CA).

[37] Woolfson v Strathclyde Regional Council 1978 SC (HL) 90, p. 96. Палата лордов указала, что отступление от раздельности возможно лишь при специальных обстоятельствах, показывающих, что компания — всего лишь фасад, скрывающий истинные факты.

4.3. Три отвергнутых пути

Хозяйственное единство суд признал недостаточным. Каждая зарегистрированная компания сохраняет отдельную правосубъектность. Централизованное управление и общая коммерческая цель группы не позволяют объединить юридическую ответственность ее участников только из-за представления о справедливом исходе. Довод о «единой экономической единице» отклонили.[38],[39]

Фасад тоже требует доказательств. Суд допускал использование компании для сокрытия истинных фактов. Но заранее созданная структура, ограничивающая доступное будущим кредиторам имущество, сама по себе этого не доказывает. Здесь имеет значение время. Принятие будущего риска отдельным обществом нужно отличать от перестройки, направленной на срыв исполнения уже существующей обязанности.[40]

Агентирование доказать не удалось. Владение акциями не создает агентское отношение автоматически. Не хватило бы и назначения директоров, согласования стратегии либо экономической зависимости дочерней компании. Нужно полномочие действовать от имени принципала. Только тогда действия агента способны связывать его обязательствами.[41] Сравнение, предложенное Левенбергом, делает этот вывод особенно наглядным. В пользу самостоятельности американской структуры NAAC говорили собственная аренда, персонал и пенсионная схема, заключение сделок от собственного имени, уплата налогов, выплата дивидендов и соблюдение корпоративных формальностей. Эти обстоятельства почти совпадают с факторами, которые в американских делах используются при анализе *alter ego*. Но в *Adams* они не стали частями общего многофакторного теста, а подтвердили отсутствие конкретного агентского отношения. Сходство фактического материала поэтому еще не означает тождества доктрин.[42]

4.4. Значение и критика Adams

Adams защищает заранее установленное распределение риска. Отдельные компании созданы по предусмотренным законом правилам. Поэтому их ограниченную ответственность нельзя считать пробелом, который суд вправе заполнить исходя из распределительной справедливости. Кредитор знает своего договорного должника. Группа, со своей стороны, определяет общество, на котором сосредоточен риск, сохраняя ex ante предсказуемость.

Потерпевший находится в другой позиции. Он не выбирал должника и не согласовывал обеспечение. Если опасная деятельность сосредоточена в отдельном обществе, его имущества может не хватить на возмещение, хотя выгода сохраняется у контролирующих компаний. На это направлена критика Adams. Возражение касается распределения потерь, а не последовательности самого юридического анализа.

Для защиты есть иные основания. Английское право обращается к прямой ответственности общества за собственные действия. Дополнительные средства дают статутные нормы и страхование, а также банкротные правила. Статус участника не подменяет нарушение. Ответ-

---

[38] Adams v Cape Industries plc [1990] Ch 433 (CA), pp. 532–545.

[39] Ibid., pp. 536–537. Суд отказался считать корпоративную группу единым предприятием только потому, что такой результат выглядел бы справедливым или соответствовал экономической реальности.

[40] Ibid., p. 544. Суд признал допустимым организовать деятельность группы так, чтобы будущее обязательство возникало у одного, а не у другого общества.

[41] Ibid., pp. 545–549. Агентирование не презюмируется из владения акциями или общего контроля; оно должно вытекать из конкретных фактов и полномочий.

[42] Adams v Cape Industries plc [1990] Ch 433 (CA), pp. 545–549; Levenberg P.N. Op. cit. P. 115–186.

ственность за свое поведение остается отдельной от взыскания исключительно вследствие участия в компании.

5. Ben Hashem v Al Shayif: от семейного спора к общему тесту

5.1. Фабула и корпоративная структура

Брак был признан недействительным. Спор касался финансовых последствий этого решения. Фаиза Бен Хашем требовала от Абдулхади Али Шайифа 7 061 570 фунтов стерлингов единовременно и передачи двух объектов английской недвижимости. Собственником значилась Radfan Limited. Эта компания была зарегистрирована в Джерси и не участвовала в семейном споре как супруг.[43] Компания была учреждена в 1988 году, за десять лет до брака. Мужу принадлежало 30 процентов акций, остальные 70 процентов были зарегистрированы за четырьмя его детьми. *Radfan* владела несколькими объектами в Англии. К моменту разбирательства у нее оставались квартиры 17 Kensington Heights, где проживала заявительница, и 57 Forest House. Поэтому требование затрагивало не только отношения супругов, но также имущество компании и заявленные права других акционеров.

5.2. Три возможных правовых пути

Суду предлагались три разные конструкции. Первая состояла в том, что акции детей или недвижимость компании в действительности принадлежали мужу по правилам о resulting или constructive trust. Вторая требовала пробить корпоративную вуаль и рассматривать активы *Radfan* как его имущество. Третья опиралась на специальное полномочие семейного суда изменить брачное имущественное установление по статье 24(1)(c) *Matrimonial Causes Act 1973*. Эти основания нельзя было смешивать, так как каждое имело собственные условия и последствия.[44] Манби не допустил особого семейного исключения. Семейное отделение применяет те же корпоративные правила, что и Канцлерское. Отказ мужа раскрыть активы и влияние на директоров имели доказательственное значение, как и возможность фактически распоряжаться имуществом. Принадлежность имущества от этого не менялась. Иначе процессуальная гибкость уничтожила бы права компании и других лиц.

5.3. Шесть ограничений доктрины

Манби сформулировал шесть ограничений. Само владение компанией и контроль над ней недостаточны. Интересы правосудия не дают общей свободы игнорировать юридическое лицо. Требуется неправомерность определенного рода. Одного участия компании в нарушении для этого не хватает.

Нарушение должно касаться использования корпоративной структуры. Через нее обходят или скрывают ответственность. Контроль нужно установить вместе с целевым использованием компании как устройства либо фасада, поэтому мотив контролирующего лица имеет значение. Фасад может возникнуть после учреждения компании. Суд исследует ее функцию

[43] Ben Hashem v Al Shayif [2008] EWHC 2380 (Fam), [2009] 1 FLR 115, paras. 3–16, 24. Radfan Limited была учреждена в Джерси в 1988 году; заявительница требовала единовременную выплату и передачу двух принадлежавших компании объектов недвижимости.

[44] Ibid., paras. 109–143, 151–221, 222–301. Суд последовательно разграничил доверительную принадлежность имущества, piercing и полномочие изменить брачное имущественное установление по статье 24(1)(c) Matrimonial Causes Act 1973.

в момент спорных действий и ограничивает вмешательство устранением конкретного нарушения. Для остальных целей правосубъектность сохраняется.[45]

5.4. Исход дела и значение для Prest

Вуаль Radfan суд не пробил. Предшествующего независимого нарушения, от которого муж уклонялся бы через компанию, не установили. Структура существовала задолго до брака. В этом состояло отличие от Gilford Motor и Jones v Lipman: тяжелое процессуальное поведение мужа не превращало использование преимуществ Salomon в неправомерное действие.[46]

Другой способ защиты все же нашелся. Проживание в 17 Kensington Heights признали брачным имущественным установлением, изменяемым по статье 24(1)(c) Matrimonial Causes Act 1973. Для 57 Forest House основания не было. Источник судебного полномочия определил результат. Отказ в piercing не исключил применения специальной нормы.

Формула Ben Hashem оставила вопрос открытым. Бертон вернулся к нему в Gramsci. По версии истца, компания изначально служила только орудием обмана и не вела самостоятельной правомерной деятельности, поэтому судья счел отдельное предшествующее нарушение необязательным. VTB и Prest выбрали более узкий путь. Участие в мошеннической схеме не заменяет специального использования компании для уклонения от уже возникшей обязанности.

Prest разделило сокрытие и обход. Раскрытие фактов отделено от собственно снятия вуали. Необходимость вмешательства превратила piercing в остаточное средство, поэтому статья Левенберга 2019 года полезна как карта прежней линии практики. Ее охват имеет пределы. Она не рассматривает ни Prest, ни решение Верховного суда в VTB Capital и не заменяет их анализа.[47]

---

[45] Ibid., paras. 159–164. Манби сформулировал шесть ограничений: контроль и интересы правосудия недостаточны; требуется неправомерность, связанная с использованием корпоративной структуры; вмешательство должно быть необходимым и адресным.

[46] Ibid., paras. 199–221, 266–268. Суд не обнаружил предшествующего и независимого нарушения, оправдывающего piercing, но признал порядок проживания в 17 Kensington Heights брачным имущественным установлением; в отношении 57 Forest House аналогичный вывод был отвергнут.

[47] Levenberg P.N. Op. cit. P. 115–186. Несмотря на дату публикации 2019 года, английская часть статьи не рассматривает Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34 и решение Верховного суда в VTB Capital plc v Nutritek International Corp [2013] UKSC 5; поэтому она используется здесь как срез предшествующей линии практики.

6. Gramsci Shipping v Stepanovs: крайняя точка договорного piercing

6.1. Значение дела и процессуальная рамка

В Gramsci суд пошел дальше. Контролирующее лицо предложили считать стороной договоров подконтрольных компаний. Оно их не подписывало, и контрагент не предполагал его участия. Позднейшие суды отвергли эту конструкцию. Ее судьба позволяет установить предел договорных последствий снятия корпоративной вуали. Истцами выступили тридцать офшорных компаний, каждая из которых владела одним судном группы Latvian Shipping Company. По их версии, пять промежуточных компаний были помещены между судовладельцами и независимыми фрахтователями: они получили суда по 63 тайм-чартерам, после чего передали их в субфрахт по более высоким рыночным ставкам. Разница оставалась в промежуточном звене, а совокупные потери оценивались примерно в 100 млн долларов США.[48]

Однако судья Бертон не разрешал вопрос об ответственности Олега Степанова по существу. Рассматривалось оспаривание международной юрисдикции. Истцы ссылались на оговорку о подсудности английским судам в проформе SHELLTIME 4: если после снятия вуали Степанов становился стороной чартеров, он оказывался связан и пророгационным соглашением. Поэтому применялся предварительный стандарт *good arguable case*, а ранее выданный всемирный обеспечительный приказ мог сохраняться до рассмотрения спора.[49] Здесь решался вопрос юрисдикции. Окончательную ответственность суд еще не устанавливал. Доказательств требовалось достаточно для предварительного принятия спора, поэтому широкую формулу договорного piercing нельзя читать как результат рассмотрения требований по существу. Процессуальная стадия ограничивает значение решения.

6.2. Фасад и совместный контроль

Опираясь на *Trustor AB v Smallbone (No 2)*, судья исходил из того, что вуаль может быть снята, когда компания используется как прием или фасад для сокрытия фактов и ухода контролирующих лиц от ответственности. Возражение, основанное на *Ben Hashem*, не сработало: предполагаемое нарушение не находилось вне деятельности компаний, поскольку, по версии истцов, они не имели самостоятельного немошеннического существования и были созданы именно для реализации схемы.[50] Отдельно был решен вопрос о распределенном контроле. Степанов не считался единственным или главным участником схемы, однако суд признал достаточным существенный совместный контроль нескольких лиц, действующих с общей целью. Следовательно, множественность контролирующих лиц сама по себе не исключала снятия вуали против одного из них или против всех. Нарушение компании требует отдельной квалификации. Оно не всегда затрагивает корпоративную форму. Структурное злоупотребление возникает, когда юридическое лицо служит сокрытию участников либо нейтрализации

[48] Antonio Gramsci Shipping Corporation & Others v Stepanovs [2011] EWHC 333 (Comm), [2011] 1 Lloyd's Rep 647, paras. 1–5. В решении описаны 30 «one ship» companies, пять промежуточных компаний, 63 чартера и требование примерно на 100 млн долларов США.

[49] Ibid., paras. 5–12. Юрисдикция обосновывалась оговоркой 41 проформы SHELLTIME 4; суд применял стандарт good arguable case и рассматривал сохранение freezing order.

[50] Ibid., paras. 13–17. Судья Burton применил формулу Trustor AB v Smallbone (No 2) и признал возможным существенный совместный контроль нескольких лиц, действующих с общей целью.

их ответственности. Контроль подтверждает возможность такого использования. Правовое последствие нужно обосновать дополнительно.

6.3. Спор о необходимости вмешательства

Защита ссылалась на позицию *Dadourian Group International v Simms* о том, что если потерпевший располагает самостоятельным деликтным или иным средством защиты, пробивание вуали не требуется. Судья Бертон отказался считать необходимость условием допустимости требования. Он отметил, что в *Gilford Motor*, *Jones v Lipman* и *Trustor* существовали альтернативные основания, однако суды все же прибегали к языку корпоративной вуали.[51] Допустимость рассмотрения не решает спор. Необходимость конкретного средства защиты проверяется отдельно. После Prest суд не игнорирует самостоятельность компании, если результат достигается через договор либо деликт, агентирование, trust или реституцию. Это условие касается piercing по существу. Предварительное решение Бертона его не отменяет.

6.4. Контролирующее лицо как сторона чужого договора

Прежнего опубликованного решения истцы не назвали. Контролирующее лицо еще не включали таким способом в договор компании. Бертон использовал обратную аналогию с Gilford Motor и Jones v Lipman. Там запрет затрагивал компанию по обязательству человека. По мнению судьи, вмешательство могло работать и в обратном направлении. Через категорию *alter ego* знание и действия контролирующего лица были отождествлены со знанием и действиями компании. Отсюда последовал вывод, что потерпевший вправе требовать исполнения как от компании-марионетки, так и от лица, управлявшего ею. Суд одновременно признал асимметрию: такое лицо могло быть привлечено к ответственности как сторона договора, но по соображениям публичного порядка не должно было получать право требовать его исполнения.[52] Асимметрия обнаружила слабость конструкции. Договорную обязанность отделили от договорного права. Для такого разделения не было обычного основания в правилах о представительстве либо уступке, как и в договоре в пользу третьего лица. Вмешательство создавало новый договорный статус. Оно выходило за пределы устранения конкретного злоупотребления.

Судья использовал образ раздвигаемого занавеса. За ним видны компания и управляющее ею лицо. Корпорация сохраняется, а к ней добавляется еще один ответственный. В этом смысл метафоры решения. Она точнее описывает предполагаемый результат, чем образ матрешки, из которой компанию извлекают и устраняют.

6.5. Юрисдикционная оговорка и предел согласия

Истцам была нужна английская подсудность. Согласие на нее представляет собой отдельный юридический факт. Контроль над компанией и организация сделки не означают волеизъявления человека подчинить личный спор тому суду, который выбрала компания. Позднейшая практика отказалась выводить такое согласие из контроля. Довод касается и других условий договора. Третейская оговорка или выбор применимого права автоматически не переходят. То же относится к ограничению ответственности и договорной неустойке: ненадлежащее использование корпоративной структуры само по себе не делает контролирующее лицо участником

---

[51] Ibid., paras. 18–21. Суд отказался считать необходимость условием допустимости требования, сопоставив Dadourian, Gilford Motor, Jones v Lipman и Trustor.

[52] Ibid., paras. 22–30. Суд допустил солидарную договорную ответственность компании и контролирующего лица, но отрицал право последнего требовать исполнения договора; см. также метафору занавеса в para. 28.

соглашения. Собственный обман может повлечь деликтную ответственность. Ее содержание нужно определять по деликтным правилам.

6.6. Демонтаж конструкции и то, что от нее осталось

Короткая жизнь подхода завершилась в 2012–2013 годах. В деле против другого предполагаемого участника схемы судья Тир, следуя решению Апелляционного суда по *VTB Capital*, отказался считать контролирующее лицо стороной чартеров. Верховный суд в *VTB Capital* затем назвал аргументы против такого расширения подавляющими: совместная договорная ответственность противоречила *Salomon*, объективной теории договора и наличию прямого деликтного средства защиты.[53] Апелляционный суд по самому спору *Gramsci* также отказался усмотреть согласие господина Лембергса на английскую юрисдикцию. Нельзя поднять вуаль лишь для того, чтобы обнаружить за ней лицо, которое якобы согласилось на подсудность, когда в действительности оно такого согласия не выражало. Принцип автономии воли оказался сильнее идеи приписанного согласия.[54] Prest объясняет отказ через evasion principle. Обязанность должна существовать до корпоративной вставки. Принцип устраняет полученное от уклонения преимущество, но не создает новую договорную обязанность, которой прежде не было у контролирующего лица. На этом договорный тезис Gramsci не удерживается. Значение имеет устройство требования, а не только иерархия прецедентов.

Gramsci сохраняет значение для анализа доказательств. Несколько лиц могут совместно контролировать структуру. Но доказанность такого контроля и структурного злоупотребления еще не объясняет вступления человека в чужой договор. Ответственность за вред проверяется отдельно. Эти наблюдения не восстанавливают отвергнутое правило о договорной ответственности.

[53] Antonio Gramsci Shipping Corporation v Recoletos Ltd [2012] EWHC 1887 (Comm); VTB Capital plc v Nutritek International Corp [2013] UKSC 5, paras. 132–148; Lord Clarke, para. 238. Большинство отвергло договорное расширение, тогда как Lord Clarke оставил общий вопрос о пределах доктрины открытым.

[54] Antonio Gramsci Shipping Corporation & Others v Lembergs [2013] EWCA Civ 730, paras. 1–10, 35–41, 59–66. Апелляционный суд подчеркнул необходимость ясно установленного согласия на юрисдикцию по статье 23 Регламента (ЕС) № 44/2001.

7. VTB Capital v Nutritek: вуаль не создает сторону договора

7.1. Фабула и требуемая реконструкция

В VTB Capital plc v Nutritek International Corp заявили об обмане при выдаче кредита примерно на 225 млн долларов США. Спор касался завышенной стоимости активов и скрытого общего контроля над участниками сделки. VTB предъявил деликтные требования. Кроме того, он просил считать предполагаемых контролирующих лиц сторонами кредитного соглашения и соглашения об участии наравне с заемщиком. Именно это расширение потребовало отдельной оценки.[55],[56]

Суду предлагали создать новое договорное отношение. Подлинную сторону уже заключенного договора не выясняли. У предполагаемых контролирующих лиц не было и заранее существующей обязанности из этого соглашения. Требовалось изменить круг сторон задним числом. Текст и объективный смысл документов такой круг не подтверждали.

7.2. Контроль и неправомерность недостаточны

Lord Neuberger указал на неточность терминов. «facade», «sham», «cloak» и «mask» передают оценку фактов. Из этих слов не следует определенное юридическое последствие. Для обязанности нужна норма права. Иначе нравственное возмущение ответчиком подменяет установление основания конкретного требования.[57]

Контроль не равен договорному обещанию. Даже доказанный обман этого вывода не меняет. Управление заемщиком объясняет возможность использовать компанию, а собственная неправомерность может обосновать деликтное требование к контролирующему лицу. Содержание договора требует другого основания. Нужно установить, почему именно это лицо приняло обещания заемщика.

7.3. Объективная теория договора как предел

Английское право определяет стороны и содержание договора объективно: по выраженному соглашению, а не по последующему выбору потерпевшего. Если договор называет заемщиком RAP, нельзя посредством «прокола» превратить Malofeev или Marcap в дополнительных заемщиков. Иначе доктрина не устраняла бы злоупотребление существующим правом, а конструировала бы новое обязательство, на которое стороны не соглашались.[58] Деликтные требования оставались у VTB. Он уже ссылался на deceit и conspiracy. Эти основания могли охватить собственное противоправное поведение контролирующих лиц. Договорную конструкцию менять не требовалось. Наличие прямого средства защиты подкрепляло отказ в таком расширении.[59]

---

[55] VTB Capital plc v Nutritek International Corp [2013] UKSC 5, [2013] 2 AC 337.

[56] Ibid., paras. 1–5, 132–140. VTB стремился считать предполагаемых контролирующих лиц сторонами кредитного соглашения и соглашения об участии наряду с компанией-заемщиком.

[57] Ibid., para. 124. Lord Neuberger предупреждал, что метафоры фасада, маски и притворства способны подменить юридический анализ нравственным возмущением.

[58] Ibid., paras. 132–140, 158. Объективная теория договора не позволяла добавить к договору лицо, которого стороны при заключении не сделали его участником.

[59] Ibid., paras. 142–148. Наличие самостоятельных требований из обмана и сговора показывало, что искомая договорная

7.4. Демонтаж Gramsci и место VTB в развитии доктрины

Полный объем доктрины VTB не определило. Вопрос о ее едином основании остался открытым. Но центральный тезис Gramsci был отвергнут: piercing не позволяет приписать контролирующему лицу любое обязательство компании и сделать его стороной договора вопреки объективной воле участников. Это предел договорной реконструкции.

VTB установило отрицательную границу. Новая обязанность не возникает из снятия вуали. Оставалось проверить другой случай: компания мешает исполнению обязанности, которая уже существует у контролирующего лица. Эту ситуацию рассмотрело Prest.

реконструкция не была необходимым средством защиты.

8. Prest v Petrodel: современная формула

8.1. Факты семейного спора и корпоративный вопрос

Prest v Petrodel Resources Ltd возникло при разделе имущества супругов. Супруге присудили 17,5 млн фунтов стерлингов. Лондонская недвижимость была записана на контролируемые мужем компании группы Petrodel. Суду требовалось установить принадлежность этих объектов. Возможность распорядиться ими в семейном споре зависела от основания, по которому имущество можно было связать с мужем.[60],[61] Первая инстанция широко истолковала семейные полномочия. Апелляционный суд с этим не согласился. Имущество компании не принадлежит ее акционеру, поэтому Верховному суду пришлось отдельно проверить Matrimonial Causes Act 1973 и основание снятия вуали. Оставался и вещный путь. Право справедливости позволяло установить, кому принадлежит бенефициарный интерес в недвижимости.

8.2. Принцип сокрытия

Lord Sumption выделил concealment principle. Этот принцип касается сокрытия отношений. Компания может скрывать подлинных участников сделки либо характер их связи, но суд устанавливает факты и применяет обычные правила. Подойдут агентирование или доверительная собственность, номинальное владение либо толкование документов. Уже существующие права получают надлежащего носителя.

Вуаль здесь не снимается. Отдельная правосубъектность компании продолжает действовать. Salomon не запрещает выяснять, от чьего имени совершали действия и кому имущество принадлежит по праву справедливости. Поэтому concealment не создает исключения из Salomon. Суд раскрывает доказуемые отношения за формой, сохраняя саму компанию.[62]

8.3. Принцип уклонения

Evasion principle касается уже возникшего ограничения. Лицо связано обязанностью или ответственностью независимо от компании. Оно намеренно помещает подконтрольное общество между собой и кредитором, чтобы уклониться от исполнения либо воспрепятствовать ему. Суд может устранить полученное преимущество. Отдельность компании игнорируется только в необходимом для этого объеме.[63]

Условия должны совпасть в одном случае. Независимая обязанность предшествует использованию компании для обхода. Корпоративная вставка должна препятствовать праву истца, а выбранное судом средство должно устранять именно это препятствие. Общей недобросовестности здесь недостаточно. Контроль и причинение убытка без такой связи тоже не заменяют основания вмешательства. Через эту схему Lord Sumption перечитал Gilford Motor и Jones v Lipman. В обоих делах суд мог раскрыть факты, скрытые корпоративной формой, но также должен был нейтрализовать конкретную попытку уклонения: от договорного запрета и от обязанности передать землю. Компания не становилась универсально тождественной контролиру-

---

[60] Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34, [2013] 2 AC 415.

[61] Ibid., paras. 8–16. Спор возник в связи с распоряжением семью объектами недвижимости, юридическими собственниками которых выступали компании группы Petrodel.

[62] Ibid., para. 28. Concealment principle не является снятием вуали: суд лишь выясняет реальных участников и истинную природу отношений за корпоративной структурой.

[63] Ibid., paras. 27–28, 35. Evasion principle касается преднамеренного использования контролируемой компании для уклонения от уже существующей обязанности или ограничения.

ющему лицу. Она игнорировалась лишь в пределах, необходимых для исполнения ранее возникшего права.[64]

8.4. Остаточность и необходимость

Prest требует необходимости вмешательства. Если результат дает обычное правовое основание, piercing не применяется. Суд проверяет толкование документов, агентирование и trust, а также реституцию, деликтный иск и статутную норму. Выбор влияет на объем ответственности. Конкретная конструкция позволяет ограничить защиту нарушенным правом и не распространить взыскание на другие отношения.[65]

Злоупотребление еще не определяет средство защиты. Нужно установить право истца и препятствие его реализации. Если обычный юридический путь устраняет это препятствие, отдельность компании сохраняется. Так piercing становится крайней корректировкой. Самостоятельного общего основания иска из него не следует.

Схема 2. Разграничение concealment и evasion после Prest

8.5. Почему в самом Prest вуаль не была снята

В самом Prest piercing не понадобилось. Верховный суд применил resulting trust. Приобретение и финансирование объектов вместе с поведением мужа и отсутствием содержательных возражений компаний подтвердили, что недвижимость держали для него. У мужа был бенефициарный интерес. Именно им мог распорядиться семейный суд.[66]

---

[64] Ibid., paras. 29–30. Lord Sumption объяснил Gilford Motor и Jones v Lipman как сочетание сокрытия фактов и адресного пресечения уклонения от ранее возникшей обязанности.

[65] Ibid., paras. 34–35; Ben Hashem v Al Shayif [2008] EWHC 2380 (Fam), [2009] 1 FLR 115, para. 164. Снятие вуали является остаточным средством и не применяется, если результат достигается обычными доктринами.

[66] Prest v Petrodel Resources Ltd [2013] UKSC 34, paras. 43–52. Апелляция была удовлетворена на основании того, что

Титул и бенефициарное право не совпадали. Суд установил это по правилам доверительной собственности. Он не приписывал мужу активы компаний из-за контроля и не объявлял группу фиктивной. Корпоративная обособленность сохранилась. Результат показывает практическую работу concealment principle без переноса имущества от одного самостоятельного собственника к другому.

8.6. Согласие в результате, разногласия в доктрине

Все семь судей согласились удовлетворить апелляцию, однако не образовали полностью единой теории. Lord Neuberger сомневался, следует ли признавать общую доктрину сверх точных прецедентов. Lady Hale и Lord Wilson не были уверены, что деление на сокрытие и уклонение исчерпывает будущие случаи. Lord Mance и Lord Clarke предостерегли от окончательного закрытия возможных категорий. Lord Walker считал «снятие вуали» скорее ярлыком для различных правовых приемов.[67] Prest оставило место для уточнений. Все судьи согласились с результатом. Узкий evasion principle получил поддержку наиболее авторитетного большинства, но исчерпывающего кодекса снятия вуали суд не создал. Поиск обычного основания остался обязательным. Корпоративная метафора не должна его заменять.

компании держали недвижимость для мужа на условиях resulting trust, а не вследствие снятия вуали.

[67] Ibid., paras. 63–80. Lord Neuberger, Lady Hale, Lord Mance, Lord Clarke и Lord Walker согласились с исходом дела, но по-разному оценили существование, объем и завершенность общей доктрины.

9. После Prest: ответственность без снятия вуали

9.1. Собственная обязанность материнской компании

Материнское общество может отвечать непосредственно. Для этого нужно установить его собственную обязанность заботы. Она может вытекать из указаний по управлению риском, обязательных стандартов группы и фактического контроля их исполнения. Источник ответственности определяет квалификацию. При таком иске взыскивают за собственное нарушение материнской компании, сохраняя самостоятельность дочерней. В *Chandler v Cape plc* бывший работник дочерней компании, заболевший вследствие воздействия асбеста, доказал прямую обязанность материнской компании. Суд учитывал знания Cape о рисках, ее специальные компетенции и фактическое отношение к вопросам охраны труда в дочернем обществе. Апелляционный суд специально подчеркнул: дело не требовало снятия корпоративной вуали.[68]

9.2. Vedanta и Okpabi

В Vedanta Resources v Lungowe Верховный суд подтвердил, что для parent company liability не существует отдельного корпоративного теста. Применяются обычные принципы деликтного права. Публичные политики группы могут иметь значение, если материнская компания фактически контролирует их исполнение, дает детальные указания или заявляет о своем надзоре, тем самым принимая ответственность.[69] В *Okpabi v Royal Dutch Shell* суд вновь сосредоточился на реальной организации управления, а не только на формальных документах. Наличие стандартов группы может быть нейтральным, но фактическая централизация, вмешательство в операционные решения и контроль исполнения способны обосновать прямую обязанность материнской компании. На предварительной стадии такой вопрос нельзя подменять мини-процессом без исследования доказательств.[70] Adams продолжает действовать. Истец не требует признать группу одним лицом. Он доказывает, что материнская компания собственными действиями приняла участие в управлении риском и нарушила возникшую у нее деликтную обязанность. Долг дочернего общества не переносится. Поэтому самостоятельность обеих компаний совместима с таким взысканием.

9.3. Подтверждение остаточного характера

Hurstwood Properties v Rossendale Borough Council касалось неналоговых платежей за нежилую недвижимость. Схемы были искусственными. Но Верховный суд разрешил спор толкованием законодательства и проверкой действительности передачи владения. Piercing не понадобилось. Evasion principle и после Prest осталось последним средством, когда обычные нормы не дают результата.[71]

---

[68] Chandler v Cape plc [2012] EWCA Civ 525, [2012] 1 WLR 3111, paras. 69–80. Ответственность материнской компании была собственной деликтной ответственностью и не основывалась на снятии вуали.

[69] Vedanta Resources plc v Lungowe [2019] UKSC 20, [2020] AC 1045, paras. 49–61. Наличие обязанности материнской компании зависит от обычных принципов деликтного права и фактического участия в управлении соответствующей деятельностью.

[70] Okpabi v Royal Dutch Shell plc [2021] UKSC 3, [2021] 1 WLR 1294, paras. 25–27, 143–153. Формальная корпоративная структура и групповые политики сами по себе не решают вопрос; существенны их реализация, контроль и принятие ответственности на практике.

[71] Hurstwood Properties (A) Ltd v Rossendale Borough Council [2021] UKSC 16, [2022] AC 690, paras. 71–83. Верховный суд вновь подчеркнул ограниченность evasion principle и разрешил спор посредством толкования законодательства, не снимая вуаль.

9.4. Wrongful trading: специальная ответственность без снятия вуали

Wrongful trading регулирует section 214 Insolvency Act 1986. Параллель для несостоятельной администрации содержится в section 246ZB. Если впоследствии наступает несостоятельная ликвидация, суд может обязать директора внести вклад в имущество компании. Нужно определить момент знания. Директор знал либо по объективно-субъективному стандарту должен был понять, что разумной перспективы избежать несостоятельной ликвидации или вступления в администрацию уже нет. Отвечает он за собственное поведение. Первоначальные долги компании на него не переносятся.[72]

Стандарт учитывает функции конкретного директора. От него ждут разумных знаний и навыков, а более высокую фактическую квалификацию тоже принимают в расчет. После критического момента директору нужно доказать каждый надлежащий шаг по минимизации потенциальных потерь кредиторов. Бремя защиты лежит на нем. Сокращение общего дефицита не оправдывает игнорирования новых потерь отдельных кредиторов. Для проверки нужны надежная финансовая информация и реалистичные бюджеты с прогнозами движения денег. Совет должен обсуждать альтернативы, поддерживать связь с кредиторами и своевременно получать профессиональный совет.[73]

Неплатежеспособность не требует автоматической остановки. Первого дефицита недостаточно и для немедленной подачи заявления. Продолжать деятельность можно при рационально обоснованной перспективе спасения или реструктуризации, в том числе за счет нового финансирования. Надежда должна подтверждаться фактами. Ожидание, что «что-нибудь подвернется», не защищает директора, но и коммерческая неудача сама по себе не доказывает нарушение. Даже после прохождения критического порога продолжение работы допустимо, если доказуемо минимизирует совокупные потери кредиторов.[74]

9.5. Sequana и обязанность учитывать интересы кредиторов

BTI 2014 LLC v Sequana SA касается обязанности директора перед компанией. Правило сохранено section 172(3) Companies Act 2006. При финансовом кризисе интерес компании нельзя сводить к интересу участников: общеправовая норма изменяет содержание обязанности учитывать этот интерес. Адресатом остается сама компания. Отдельной новой обязанности непосредственно перед каждым кредитором не возникает.[75] Этот порог может наступить раньше section 214. Единую начальную дату Sequana не определило. Судьи отвергли достаточность реального, но не отдаленного риска несостоятельности и по-разному описали необходимую близость кризиса. Дальнейшее ухудшение меняет вес интересов. Позиция охватывает неплатежеспособность и пограничное состояние, а также вероятность несостоятельной ликвидации или администрации. При неизбежности процедуры интересы кредиторов становятся преобладающими. Поэтому первый финансовый сбой не обязывает совет капитулировать, но участники уже не вправе рисковать остаточной стоимостью компании за счет кредиторов без учета изменения их положения.

Взыскание возможно через misfeasance proceedings. Процессуальный путь закреплен в section 212 Insolvency Act 1986. Норма не создает новый деликт и не расширяет материальные

---

[72] Insolvency Act 1986, ss 214(1)–(4), 246ZB; Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [461]–[466].

[73] Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [463]–[466], [487]–[490].

[74] Там же, [466]–[473], [487]–[490], [497]; Re Ralls Builders Ltd (No 2) [2016] EWHC 243 (Ch), [31]–[32], [216].

[75] Companies Act 2006, s 172(3); BTI 2014 LLC v Sequana SA [2022] UKSC 25, [79]–[81], [176], [203], [227]–[245], [279]–[281]; Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [469]–[473], [538]–[546].

обязанности, включая обязанности по sections 171–176 Companies Act 2006. Она обеспечивает их применение в процедуре. Обратиться могут ликвидатор или официальный управляющий, а также кредитор либо участник. Требование касается возврата неправомерно удержанного имущества, отчета о выгоде или компенсации за нарушение уже существующей обязанности перед компанией.[76]

9.6. Крах BHS: два порога ответственности

BHS позволяет сопоставить оба основания. Бизнес продали Retail Acquisitions Limited за 1 фунт. Группа испытывала острый дефицит оборотного капитала и пользовалась дорогим обеспеченным финансированием, а 25 апреля 2016 года компании вошли в администрацию. Ликвидаторы заявили разные требования. Помимо wrongful trading они ссылались на директорские нарушения при продолжении деятельности, обозначенные как trading misfeasance, и отдельные эпизоды вывода ценности.[77] В решении Wright and Rowley v Chappell суд проверил шесть предполагаемых дат знания, начиная с 17 апреля 2015 года. Требование по section 214 было отклонено применительно к первым пяти датам: несмотря на тяжелое положение, высокая планка отсутствия разумной перспективы еще не была преодолена. Только к 8 сентября 2015 года несостоятельная администрация или ликвидация стала неизбежной. Леннарт Хеннингсон и Доминик Чандлер были обязаны внести по 6,5 млн фунтов стерлингов каждый. Ответственность была раздельной с учетом их роли и степени виновности.[78]

Иным оказался результат по misfeasance. Суд пришел к выводу, что модифицированная обязанность учитывать интересы кредиторов действовала не позднее 17 июня 2015 года. Нарушения, связанные с ACE II, и расчетный период увеличения дефицита были привязаны к 26 июня. Суд также признал нарушения при одобрении Grovepoint: решения принимались для ненадлежащей цели и без должного учета интересов компаний и их кредиторов. В последующем решении о размере компенсации Хеннингсон и Доминик Чаппелл были признаны солидарно ответственными на 110,23 млн фунтов стерлингов. Из увеличения чистого дефицита были вычтены 19 млн фунтов роста пенсионного дефицита как не причиненные нарушениями и еще 4,23 млн фунтов зачтенных поступлений.[79]

---

[76] Insolvency Act 1986, s 212; Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [519]–[520], [533]–[546].

[77] Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [1]–[17]; Изосимов С. В. Правовые прецеденты краха BHS: ответственность директоров в Англии за неплатежеспособность и неподачу заявления о банкротстве // Закон.ру. 20.07.2026.

[78] Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [1140]–[1157].

[79] Wright v Chappell [2024] EWHC 2166 (Ch), [27]–[29], [48]–[56], [77]–[85]. См. также: Wright and Rowley, BHS and others v Chappell and others [2024] EWHC 1417 (Ch), [983], [988]–[995], [1154]–[1157].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.